

Услышав это, Чу Яо нахмурился и тут же строго спросил Цзян Ли:

— Разве я не приказал слугам запереть его во дворце и никуда не выпускать?

В тот день Цзюнь Жухэн превзошел все границы приличий. Его дерзкая выходка занозой засела в душе Чу Яо, и, покидая Восточный дворец, тот сразу же посадил наглеца под домашний арест. Однако Цзян Ли и остальные слуги, не знавшие истинных причин, рассудили иначе. Видя, как безгранично престолонаследник балует своего любимца, они решили, что приказ о заточении — лишь брошенная в сердцах угроза.

К тому же стоило этому неугомонному созданию обернуться птицей — и поминай как звали, он тут же взмывал под самые облака. Не бегать же Цзян Ли с сачком по всему свету, пытаясь изловить пернатого беглеца.

Под суровым взглядом господина Цзян Ли лишь беспомощно мялся, не зная, что ответить. В этот момент не выдержал стоявший рядом Чи Сяюй:

— Да идем мы или нет? Еще немного, и этого парня там на куски порежут!

Чу Яо, собиравшийся надеть очки, на мгновение замер. Тихо вздохнув, он аккуратно поправил их на переносице:

— Идем.

Дождь постепенно стихал.

Дорога развезла от сырости, копыта глубоко увязали в грязи, однако вороной конь нес своего всадника стремительно и уверенно. Чи Сяюй стер с лица брызги, полетевшие от конского хвоста, и мысленно усмехнулся: «И это называется „не торопимся“?»

Вскоре они добрались до рынка Юньшан — самого шумного и оживленного места в Цзиньлине. Здесь бок о бок ютились лавки торговцев и сновали люди самых разных сословий.

Наследный принц, выросший в неге и роскоши императорских покоев, впервые оказался в подобной сутолоке. Но едва они свернули на улицу Фонарного рынка, как их взору предстала живописная картина: тот самый несносный баловень, которого лавочник зажал за неуплату, вовсю препирался с торговцем, пытаясь вырваться.

— И это, по-твоему, то самое спешное дело, о котором ты говорил, брат Чи?

Чи Сяюй невинно развел руками:

— Жизнь за жизнь, долг за долг. Разве это не самое важное дело на свете?

Цзюнь Жухэн, видит бог, не собирался уходить не заплатив. Просто во дворце о его пропитании всегда пеклись другие, и лишь лишившись своего высокопоставленного покровителя, он с ужасом осознал, насколько запредельные в Цзиньлине цены.

— Целый мао серебра за паршивый фонарик? Да тебе проще сразу выйти на большую дорогу!

После затяжной зимы торговля шла туго. Увидев роскошные одежды Цзюнь Жухэна, лавочник принял его за богатого господина и любезно выставил перед ним лучшие товары. Кто же знал, что этот франт окажется обыкновенным нищим в красивой обертке?

Разочарованный купец мигом растерял всю вежливость. Напустив на себя грозный вид, он мертвой хваткой вцепился в рукав юноши и принялся кричать на всю улицу, требуя выкупить выбранные фонари.

Цзюнь Жухэна эта наглость вывела из себя. Он уже замахнулся, готовый проучить крикуна кулаками, как вдруг заметил в толпе приближающегося на коне Чу Яо.

Его лицо мгновенно просияло. Он отчаянно замахал руками, привлекая внимание принца, и беззвучно одними губами взмолился: «Спаси!»

Однако Чу Яо лишь слегка прищурился за темными стеклами очков, словно никак не мог разобрать, чего от него хотят.

Этот полуслепец явно издевался, притворяясь незрячим! Понимая, что его бросают на произвол судьбы, Цзюнь Жухэн отбросил всякое приличие и завопил на всю улицу:

— Чу...

На полуслове его осенило: имя наследного принца на устах у простолюдинов не пользовалось любовью, и назови он сейчас Чу Яо, проблем у них обоих только прибавилось бы.

Поэтому он мгновенно выкрутился и громогласно скомандовал:

— Чу Чжибай! А ну стоять!

Уже собиравшегося развернуть коня Чу Яо от этой наглости передернуло.

Вздохнув, он смирился со своей участью, сошел на землю и молча расплатился с торговцем. Стоило ему обернуться, как он наткнулся на лукавый взгляд Чи Сяюя.

— Если бы поднялся шум, пострадала бы репутация Восточного дворца, — холодно обронил Чу Яо. Он украдкой глянул на своего несносного любимца, который уже увлеченно перебирал купленные фонарики, и лед в его взгляде едва заметно подтаял. — А этого торговца за

мошенничество и вымогательство передайте Управлению императорского города. Пусть посидит в темнице, подумает над своим поведением.

Дни стояли предпраздничные — приближался день Холодной пищи. По старинному обычаю жители Великой Инь совершали поминальные обряды и зажигали новый чистый огонь. И хотя над Цзиньлином моросил мелкий дождь, улицы города бурлили жизнью.

Цзюнь Жухэн, казалось, напрочь позабыл, что они вообще-то в ссоре. Загородив дорогу Чу Яо, который уже собирался уходить, он с обезоруживающей улыбкой заявил:

— Раз уж мы здесь, вашему высочеству не помешает немного развеяться и ощутить вкус простой жизни.

На губах Чу Яо промелькнула тень улыбки, но взгляд остался холодным. Поправив выбившуюся прядь на виске юноши, он тихо спросил:

— Неужели тебе так скучно рядом со мной, А-Хэн?

Цзюнь Жухэн не уловил скрытой угрозы в его голосе. Он внезапно посерьезнел и негромко произнес:

— Земная красота мимолетна, и каждая встреча с ней может оказаться последней. То, что мы увидим сегодня, останется в памяти, и что бы ни случилось в будущем, я ни о чем не пожалею.

Чу Яо слегка нахмурился, пытаясь разгадать потаенный смысл его слов.

Но уже в следующее мгновение грусть юноши бесследно испарилась. Он лукаво покачал висевшим на мизинце фонариком:

— Да и как уйти, не пустив их по воде?

Пускать плывущие огни в канун праздника Холодной пищи — древний народный обычай, которому насчитывалось уже не одно столетие. Чу Яо слышал, будто заветные желания, записанные на клочке красной бумаги и привязанные к фонарику, непременно сбудутся, если река унесет его как можно дальше.

Сам он, конечно, в подобные суеверия не верил, но ему стало любопытно, о чем может мечтать его духовная птица и чего он до сих пор о ней не знает.

Принц повернулся к своим спутникам и негромко скомандовал:

— Возвращайтесь во дворец. Не нужно, чтобы отец беспокоился.

Цзян Ли попытался было возразить, но Чи Сяоюй вовремя потянул его за рукав:

— Не упрямся. Если что, присмотрим за ними издали.

Тем временем на город опустились сумерки, и улицы зажглись мириадами праздничных огней.

Берега древней реки Ло утопали в сиянии фонарей, отовсюду доносились звуки лютен и барабанов. Бесконечные ряды лавок пестрели диковинными товарами — после скромного Цзичжоу здешнее великолепие по-настоящему поражало воображение.

Прошлая жизнь Цзюнь Жухэна, полная военных походов в глухих лесах, была суровой и однообразной. Неудивительно, что теперь он глазел на все вокруг как ребенок, едва не позабыв о цели их прогулки.

Резко обернувшись, он отыскал взглядом знакомый зеленый силуэт, следовавший за ним на почтительном расстоянии, и с облегчением выдохнул.

Чу Яо уже снял очки, и на его лицо вернулось привычное бесстрашие. Праздничная суета виделась ему лишь размытым хороводом теней. Он не мог разглядеть этого веселья, а оно, в свою очередь, безжалостно выталкивало его из своего круга.

Пару раз увлекшиеся гуляки едва не сбили принца с ног. Цзюнь Жухэн пытался окликнуть его, но крик тонул в многоголосом шуме толпы, и юноше оставалось лишь с досадой наблюдать, как Чу Яо неловко покачнулся от очередного толчка.

В груди Цзюнь Жухэна болезненно сжалось сердце.

Бросив разглядывать безделушки, он поспешил обратно и с легким упреком спросил:

— Зачем ты их снял? С ними ведь тебе гораздо легче.

— Людей слишком много, — тихо пояснил Чу Яо. — Разобьются еще, если кто-то заденет.

Юноша разочарованно вздохнул. Заметив это, Чу Яо спросил:

— Что-то не так?

Цзюнь Жухэн пробормотал что-то невнятное, и его недавнее воодушевление мгновенно угасло, уступив место тревоге.

Чу Яо уловил эту перемену.

Не успел он ничего сказать, как его запястье перехватили чужие пальцы, и вокруг руки обвилась тонкая алая лента. Насыщенный красный цвет удивительно красиво подчеркнул

бледность кожи принца, придавая этому жесту невольное, волнующее изящество.

У Цзюнь Жухэна пересохло во рту. Смутившись, он поспешно опустил голову и тихо пробормотал:

— Теперь точно не потеряешься.

Он всего лишь хотел помочь незрячему спутнику не потеряться в толпе, а вместо поводка приспособил обычную ленту, которой подвязывал волосы. Но прозвучало это почему-то до невозможного двусмысленно.

Свет уличных фонарей делил их лица надвое, оставляя половину в тени. В полумраке взгляд Чу Яо потеплел:

— Неужели и правда не сбежишь? — тихо переспросил он.

— Я имел в виду вовсе не... Эй, ты что творишь?

Чу Яо осторожно забрал свободный конец ленты из его ладони и обвязал вокруг безымянного пальца юноши. Руки Цзюнь Жухэна, сильные и привыкшие к оружию, разительно отличались от изящных пальцев принца, и алая нить на них смотрелась путами на когтях хищного сокола.

— Вот теперь точно не сбежишь.

Чу Яо слегка потянул руку назад, натягивая ленту, и в груди Цзюнь Жухэна испуганной птицей затрепетало сердце.

«Не лгали древние: от пальцев нити тянутся к самому сердцу», — подумал он.

До начала обряда оставалось еще немало времени, и они просто неторопливо бродили среди торговых рядов, коротая праздничный вечер.

И этот тихий, неспешный вечер казался сейчас лучшим временем в их жизни.

В Цзиньлине процветали всевозможные уличные забавы, среди которых наибольшей популярностью пользовалось метание дротиков. Цзюнь Жухэн, всегда равнодушный к холодному оружию, не устоял перед искушением испытать свои силы и увлек Чу Яо к самому шумному балагану.

Зазывала зычным, натренированным голосом заманивал публику:

— Попадешь в сердце — заберешь главный приз! Перережешь горло — получишь половину! Всего десять монет за десять попыток!

Вместо привычных круглых мишеней на стене висели портреты уродливых круглолицых тварей с клыками и свирепыми рожами.

Поначалу Цзюнь Жухэн с любопытством разглядывал мишени, но, заметив размашистые надписи рядом с ними, помрачнел.

«Рожденный под несчастливой звездой, проклятие Поднебесной. Да покарает его Небо, да отринет его Земля!»

Кому предназначались эти ядовитые строки, гадать не приходилось.

Цзюнь Жухэн наконец понял, почему вокруг балагана собралось столько зевак.

Он с тревогой взглянул на принца, надеясь, что тот ничего не заметил. Увы, написанные огромными иероглифами оскорбления колыхались на ветру прямо перед ними — прочесть их мог даже тот, кто едва различал свет.

Юноша поймал себя на кощунственной мысли: уж лучше бы Чу Яо действительно был слеп как крот, чем читал всю эту неприкрытую злобу черни.

По крайней мере, тогда бы он не видел, как глубоко людская низость может ранить душу.

Лицо Чу Яо осталось бесстрастным, однако Цзюнь Жухэн почувствовал, как слабо натянулась алая лента на его пальце — беззвучное эхо внутренней дрожи принца.

— Мне здесь не нравится, уйдем, — тихо произнес Чу Яо и потянул за ленту.

Слепая злоба глупцов ранит не менее глубоко, чем утонченное коварство мудрецов, причем первые даже не осознают, сколько боли причиняют своими забавами.

Принц хотел лишь поскорее скрыться от издевательских смешков, но Цзюнь Жухэн не сдвинулся с места, удержав его за руку.

— И это все, на что у вас ума хватило? — громко, с вызовом бросил юноша. — Тоже мне, развлечение для сопляков. Сыграем по-крупному?

Толпа мигом притихла. Десятки взглядов скрестились на юноше в алых одеждах, небрежно прислонившемся к шесту винной лавки. В его позе сквозила дерзкая удаль, а растрепанные ветром волосы лишь добавляли ему бесшабашного очарования.

— Ну что, хозяин, рискнешь?

Для зазывалы отступить перед дерзким юнцом означало в один миг лишиться уважения толпы и разорить собственное дело.

Лавочник оказался не из трусливых и с вызовом спросил, каковы условия. Цзюнь Жухэн лениво выпрямился, прищурился, прикидывая на глаз расстояние до мишени, а затем сорвал со стола кусок черной материи и повязал себе на глаза:

— Вслепую.

Метать дротики с завязанными глазами решился бы далеко не каждый мастер. Торговец сначала заподозрил неладное и хотел было прогнать наглеца, но золото, которое юноша достал из кошелька, заставило его передумать.

— Десять ланов серебра за каждый бросок. Если проиграю хотя бы раз — удваиваю ставку.

— А если выиграешь? — прищурился лавочник.

Цзюнь Жухэн небрежно щелкнул пальцами:

— Снимешь этот паршивый плакат. Глаза мозолит.

Над рекой Ло пронесся резкий порыв ветра, взметнувший широкие рукава его алого халата. Юноша занес руку с дротиком над ухом, на миг замерев, словно прислушиваясь к невидимым колебаниям воздуха.

Спустя мгновение стальное острие со свистом рассекло воздух. Вспыхнул холодный блеск — и дротик без промаха вонзился точно в горло нарисованного уродца.

Торговец лишь разочарованно хмыкнул: добыча потянула всего лишь на второй приз.

Однако Чу Яо, знавший толк в воинских искусствах, понимал: стрельба и метание оружия требуют безупречного учета ветра и влажности. При таком порыве метить в сердце было безумием, и точный удар в горло доказывал, что юноша действовал хладнокровно и расчетливо.

Впрочем, мысли принца быстро унеслись совсем в иное направление.

Цзюнь Жухэн был на редкость красив. В его чертах странным образом сочетались хищная грация и искреннее простодушие. Черная повязка скрыла лихорадочный блеск его глаз, сделав лицо непривычно мягким и покорным.

Чу Яо вовсе не желал подавлять эту дикую, гордую натуру, но подобное редкое послушание определенно стоило испытать при иных обстоятельствах.

Его сладкие грезы бесцеремонно прервал сухой, звонкий стук металла о дерево.

— Еще два попадания!

— Прямо в яблочко! Главный приз! — ахнули в толпе.

И прежде чем зеваки успели перевести дух, последний, четвертый дротик серебряной молнией устремился прямо в лицо онемевшему лавочнику.

Тот замер, оцепенев от ужаса и даже не пытаясь уклониться. Острая сталь со звоном вошла в балку всего в паре вершков над его макушкой. Лишь тогда у бедолаги подкосились колени, и он мешком осел на землю.

— Уродливая мазня, — Цзюнь Жухэн небрежно сорвал повязку с глаз и вскинул брови. Его торжествующий взгляд заставил сердце Чу Яо пропустить удар. — С тем, что тебе неприятно, нужно расправляться быстро и безжалостно.

Чу Яо согласно кивнул. Польщенный этой молчаливой поддержкой, Цзюнь Жухэн довольно заулыбался. Они увлеченно разговаривали и не заметили, как в праздничной толпе за их спинами бесшумно скользнула знакомая тень.

<http://bllate.org/book/18274/1750186>